

Оперетта – это энергетика

ИНТЕРВЬЮЕР:
Ольга Романцова

ФОТО:
Мария Берлинер

Владимир Тартаковский пришел в Московский театр оперетты в 1974 году, а в 1990-м был выбран его директором, став, таким образом, коллегой своего отца – Исидора Михайловича Тартаковского, легендарного директора Театра им. Вахтангова. Возглавляя Театр оперетты уже 34 года, Тартаковский также смог сделать его серьезным игроком на отечественном рынке мюзиклов. О том, как уживаются два жанра в афише, почему классическую оперетту рано списывать со счетов, какой завет отца стал самым главным для него в профессии и чему он сам пытается, в свою очередь, научить молодежь, мы поговорили с Владимиром Исидоровичем.

Вы директор государственного театра и продюсер мюзиклов, очень коммерческих, ориентированных на прибыль. Как объяснить этот парадокс? А в чем тут парадокс? Я генеральный директор театра, значит, занимаюсь и финансовыми, и творческими вопросами. Фактически продюсирую все спектакли, которые выходят в нашем театре. В этом и состоит моя работа. Мы ориентируем на прибыль все спектакли, не только мюзиклы. И хотя получаем субсидию от государства, но сегодня она составляет около 30% нашего бюджета, а 70% зарабатываем сами. Это не какие-то огромные деньги, хотя для театра достаточно большие. И если посчитать все расходы по выпуску спектаклей, поддержанию исторического здания и всему, что для театра необходимо, я считаю, что наше финансирование занижено. И за счет своих доходов мы пытаемся решить все эти вопросы.

Жанр классической оперетты довольно консервативен в России, при этом на сценах европейских музыкальных театров часто проводятся эксперименты. Как с этим обстоят дела у вас?

Оперетта – это всегда эксперимент. Например, в «Веселой вдове», нашей недавней премьеры, действие перенесено в Голливуд начала XX века. И это гораздо интереснее, чем делать очередной традиционный спектакль о вдове, которую посольство старается как можно скорее снова выдать замуж. В новой версии спектакля сохранена вся музыка Легара и любовная линия, но история развивается по-другому. Главные герои – звезды

Голливуда. Они встречаются на съемочной площадке фильма «Веселая вдова», и в их жизни начинает происходить то же самое, что и с персонажами оперетты. Судя по отзывам зрителей, почти всем нравится такой подход, который привлекает в театр и постоянных поклонников, и молодых зрителей. Практика показала, что молодежи, и не только ей, этот вариант гораздо ближе и интереснее, чем предыдущие. При этом у нас бывают исключения. В нашем репертуаре есть абсолютно классическая постановка оперетты «Летучая мышь», которая с 1974 года идет на аншлагах. В этом спектакле сменилось уже несколько поколений артистов, и сейчас в нем участвуют молодые солисты. «Летучая мышь» будет интересна всегда. И не только из-за великолепной музыки Штрауса, но еще и изумительной пьесы Эрдмана и Вольпина. Это один из самых продаваемых наших спектаклей, хотя в нем не используются современные сценические технологии. Он идет в таком виде, как ставили раньше, с мягкими декорациями, которые в таком объеме сейчас редко где используются. В этом есть своя ретропрелесть. Поэтому несколько лет назад мы сделали полную реконструкцию: нашли учеников художника Валерия Левенталья, воссоздавших декорации по его эскизам. Спектакль свежий, очень красивый и нравится публике. Я считаю, что такая постановка обязательно должна быть в репертуаре.

Несмотря на название «Московский театр оперетты», в его репертуаре всего пять оперетт. Все остальные – мюзиклы.

На фото:
«Веселая вдова»,
Ольга Козлова
в роли
Габриэллы
Гловер

У нас всегда шли и классические оперетты, и оперетты, которые я могу назвать и мюзиклами тоже. Например, написанные композитором Исааком Дунаевским или Юрием Милутиным. Были и более современные спектакли: «Свадьба Кречинского», «Сибирские янки», «Неистовый гасконец» и много других названий. Сейчас примерно та же пропорция. Наша ближайшая премьера – «Мистер Икс», после нее в репертуаре будет уже шесть оперетт: «Летучая мышь», «Баядера», «Веселая вдова», «Королева чардаша», «Цыганский барон», и еще есть планы на классику. Мюзиклы в чистом виде – «Монте-Кристо», «Граф Орлов» и «Анна Каренина», и исполняют их в соответствующей манере. Все остальные наши мюзиклы – на грани между жанрами. Например, «Собака на сене» или «Князь Серебряный». Это оперетта или мюзикл? Я бы не сказал, что это мюзикл на 100%. Они оригинальные, придуманы авторами

вместе с нами и для нас. Такое разнообразие репертуара создает творческую атмосферу в театре и вызывает интерес зрителей. Классика не всегда гарантирует успех. Существует не так много названий, на которые ходит публика, даже если их ставили известные режиссеры на высоком уровне. Например, у нас была очень интересная постановка «Орфей в аду» Оффенбаха, но ее успех нельзя сравнить с успехом оперетт Кальмана, Штрауса и Легара, которые в России больше всего любят. А в репертуаре европейских театров, в основном по той же причине, идут «Летучая мышь» и «Веселая вдова».

То есть жанр постепенно умирает? Зачем же вам держаться за оперетту? Из-за названия театра?

Не только из-за названия. Опереточные спектакли также собирают полные залы. Московский театр оперетты – это бренд. У нас замечательная труппа, в которой артисты «заточены» на оперетту и поют в академической манере. Для этого требуется обучение, школа. В классической оперетте всегда замечательная музыка, и мы должны воспитывать на ней молодежь. Думаю, что разумное сочетание оперетты и мюзикла еще долго может вести театр вперед.

Но кормят театр все-таки мюзиклы?

Я бы так не сказал. У нас зрители ходят на все. Просто наши флагманские проекты – мюзиклы «Граф Орлов», «Анна Каренина» и «Монте-Кристо» – идут подряд несколько дней, их так удобнее рекламировать.

По ним больше доходов, но и расходов тоже. По опереттам доходов чуть меньше, но меньше и расходов.

Разве нельзя играть репертуарные спектакли несколько дней подряд, как играли в Большом театре или парижской Опера Гарнье?

В Большом театре так играли в основном разовые проекты. Опера Гарнье работает по проектной системе, зрители знают, что спектакль пройдет и больше его не будет. Мы – репертуарный театр и играем спектакли по 5–10 лет. Конечно, можно напрячься и сделать подряд пять постановок классической оперетты, но нам это не нужно. У нас большая труппа: кто-то из артистов занят в одном названии, кто-то – в другом.

Есть смысл играть подряд по многу раз наши мюзиклы-проекты, потому что на монтаж декораций уходят сутки и столько же – на их разбор. Хотя сегодня мы добились таких эффектов в технологии, что репертуарные спектакли по картинке, свету и звуку практически не отличаются от мюзиклов.

Почему у вас нет спектаклей-копродукций с российскими театрами? Например, таких как «Летучий голландец» Вагнера в постановке Богомолова, реализованный совместно Новой Оперой и Пермским театром?

Нет такого театра, с которым мы могли бы сделать копродукцию. Потому что артисты оперы, за редким исключением, не умеют исполнять оперетту, они, может быть, и талантливые, но певцы. Оперетта требует другого подхода: ее недостаточно спеть,

ее надо сыграть, тут важны артистизм и кураж. Когда Юрия Веденеева пригласили петь в Большой театр, к нему там приходили артисты и спрашивали, как ему удастся так сочетать вокал, игру, пластику.

Вы возите мюзиклы на гастроли? Есть ли у вас гастрольные варианты декораций?

Мы ездили в Петербург, в Латвию и Эстонию, и в несколько городов рядом с Москвой. У нас есть выездной вариант только для мюзикла «Монте-Кристо». Гастроли не самоцель, мы играем 350 спектаклей в год, и куда-то при этом ехать экономически невыгодно, а хлопот много. Мне легче в будни поставить дневной спектакль, заработав больше, чем на гастролях, куда нужно везти декорации и костюмы, оркестр, хор, балет, артистов и технический персонал, платить за их билеты, гостиницы и т. д. Кроме того, в стране почти нет театров, технически оборудованных, как наш. Ездить при тех ценах на билеты, которые могут выдержать периферийные города, нерентабельно.

За счет каких средств удается поддерживать историческое здание в рабочем состоянии?

Здание действительно старое, но мы стараемся его поддерживать. Привели в порядок все коммуникации, зрительный зал, поменяли там кресла, сделали сцену удобнее, у нас используются современные технологии света и звука. Что-то сделано из бюджетных средств, что-то – из внебюджетных. Наш жанр требует определенных условий и вложений в здание театра.

Если в театре высокие технологии, то почему артисты до сих пор играют на сцене с микрофонами? Разве нельзя сделать более современную, встроенную подзвучку?

Любая подзвучка, встроенная она или нет, подразумевает микрофоны. В театре самое современное звуковое оборудование, профессиональные звукорежиссеры, и зрители хвалят качество звука. Кроме того, у нас динамичные спектакли, где много артистов на сцене и сложные мизансцены. Без микрофонов зрители просто ничего не услышат.

Построят ли в Москве новое здание Театра мюзикла рядом с Парком Горького, как планировалось?

Этот проект был давно, но потом было решено новое здание не строить. И поэтому, к сожалению, у нас так и осталась одна сцена с большим залом, но это не позволяет сделать все, что мы хотим и можем. Сегодня существует другой проект – застройки нашего двора. В результате появится малая сцена, и мы даже перенесем туда какие-то спектакли текущего репертуара. Будем проводить эксперименты, ставить то, что не подходит для большой сцены, и даже хулиганить.

Станиславский говорил, что возраст театра – 14 лет, как у собаки. Как вам удается держать театр и успешно работать?

При всем уважении к Станиславскому, с его времени многое изменилось. В наш театр постоянно приходит молодежь: через год будет уже наш третий выпуск студентов музыкального театра в Щукинском училище. Дальше начинается процесс входа новых артистов в репертуар, их

профессионального роста, который надо контролировать. Если появился талантливый человек, соответствующий ролям, которые мы можем ему предложить, стараемся дать их очень быстро. У артистов, особенно у артисток, очень короткий век. В оперетте «Королева чардаша» главную роль Сильвы играют в разных составах две молодые актрисы, для них это дебют. В процессе выпуска спектакля они многому научились – им помогали наши народные артисты, и после дебюта они уверенно вошли в репертуар. Меняется и команда сотрудников. Время двигает нас вперед и требует постоянного обновления творческих процессов.

Вы в Театре оперетты с 1974 года. Сначала были главным администратором, затем стали директором. Нет ощущения, что вы здесь уже все знаете и вас ничем нельзя удивить?

В этом и прелесть театра, что не перестаешь удивляться с каждой новой постановкой. Театр – это постоянный поиск, и наскучить такое не может. Приходят новые артисты, режиссеры, возникают новые проекты. Сейчас мы осваиваем маленькое помещение с залом на 50 мест рядом с театром. Делаем в нем моноспектакли, творческие вечера артистов, там же проводим мероприятия ко Дню города, Дню Победы. Так что жизнь каждый раз ставит новые задачи. Или мы сами их себе ставим.

Вы довольны тем, как сложилась ваша жизнь как руководителя театра?

Конечно, доволен, поскольку руководжу замечательным театром. Решаю не

только административные и финансовые, но, главное, творческие вопросы. Это увеличивает ответственность, но упрощает работу. Единоначалие защищает от внутритеатральных конфликтов, которые сейчас очень распространены во многих театрах.

В 1990-м, когда вы стали директором, ваш отец Исидор Михайлович Тартаковский был директором Театра им. Вахтангова. Он вам что-то советовал?

Скажу так: драматический театр очень сильно отличается от музыкального. Но в общечеловеческих вопросах отец даже не советовал мне, а делал так, чтобы хотелось взять это на вооружение. Он был человеком очень спокойным, но в сложных ситуациях менялся, брал все под контроль и выходил из этих ситуаций победителем. В этом плане он на меня повлиял.

Исидор Михайлович шутил, что если приходить в театр, то только директором. Он был доволен, что вы на этом посту?

Безусловно. Он был доволен, что я продолжил его дело. Он знал, что театр – это особенный мир, и радовался моим успехам. Но сегодня, к сожалению, этот особенный мир стал совсем другим. Для молодежи он менее привлекателен, молодое поколение привыкло к быстрому результату, а театр стал излишне зарегламентирован, и он постепенно превращается в бюрократическую организацию. Творческий процесс при выпуске спектаклей требует быстрых решений, а это невозможно при существующей системе конкурсов, тендеров и отчетностей. В этом

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР
ОПЕРЕТТЫ – ЭТО БРЕНД.
У НАС ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ
ТРУППА, В КОТОРОЙ
АРТИСТЫ «ЗАТОЧЕНЫ»
НА ОПЕРЕТТУ И ПОЮТ
В АКАДЕМИЧЕСКОЙ МАНЕРЕ.
ДЛЯ ЭТОГО ТРЕБУЕТСЯ
ОБУЧЕНИЕ, ШКОЛА. ДУМАЮ,
РАЗУМНОЕ СОЧЕТАНИЕ
ОПЕРЕТТЫ И МЮЗИКЛА ЕЩЕ
ДОЛГО МОЖЕТ ВЕСТИ ТЕАТР
ВПЕРЕД

году я был председателем госкомиссии у выпускников факультета менеджеров Школы-студии МХАТ. Почти никто из них не идет в театр. Они предпочитают заниматься интернет-контентом, киноиндустрией, телевидением, потому что в театре сложно. Здесь сочетаются экономика и творчество, структура репертуара и психология артистов. Моя задача – этот баланс отрегулировать.

Мюзиклы являются частью туристического продукта, могут быть одной из достопримечательностей Москвы. Это так? И запланирована ли какая-то долгосрочная стратегия работы с тем же китайским туристом? Для этого, видимо, нужно хотя бы давать постановки с субтитрами, как делают все ведущие музыкальные театры мира.

Приезжих очень много, в зале много иностранцев, и не только китайцев. Благодаря жанру и качеству наших постановок зрители специально приезжают на наши спектакли из других городов. Мы видим это и по бронированию, и по соцсетям. Поэтому мы в этом году стали больше работать летом, в сезон отпусков. В результате в июле сборы были такими же, как в декабре. Если

говорить о китайцах, то наши версии мюзиклов «Анна Каренина» и «Монте-Кристо» с большим успехом идут в Китае, а «Анна Каренина» до пандемии шла в Корею, где было сыграно 200 спектаклей.

Что касается субтитров, то я считаю, что в оперетте они не нужны, наш жанр и так понятен. Оперу часто исполняют на языке оригинала, поэтому в них возникает необходимость. А для иностранцев у нас есть программки мюзиклов на английском языке.

Какую творческую задачу вы перед собой ставите?

Наша задача – продолжать развивать мюзикл как жанр и найти для оперетты новые формы. Я считаю, что «Королева чардаша», «Веселая вдова» и предстоящая премьера «Мистера Икс» – шаг к тому, какой должна быть классическая оперетта сегодня. Мы будем продолжать поиск и, думаю, найдем форму, интересную не только старшему поколению, но и молодежи, которая любит наш театр именно потому, что у нас идет много современных, интересных ей спектаклей, и оперетту в новом прочтении эти ребята с удовольствием принимают. В декабре было два спектакля «Веселая вдова» при полных залах, а это почти три тысячи человек. Перед этим с аншлагом прошли две «Королевы чардаша», и в зале я заметил очень много молодых лиц. Так что постараемся в обозримом будущем сохранить в репертуаре этот баланс классики и современности. И обязательно будем ставить и классическую оперетту, и современные мюзиклы. ♦